

Мур. - 1991. № 29 авг. - с. 5

Василий АКСЕНОВ:

Чудо в августе

Писатель Василий Аксенов — не случайный гость на наших страницах. Когда-то, в трудный для него период, он стал лауреатом премии «Труд». До возвращения ему советского гражданства это была его единственная советская литературная награда. Кстати, наша газета первой опубликовала его оценку акта, восстановившего изгнанников в их законных правах. Печатающаяся сейчас в журнале «Юность» «Московская сага» была анонсирована у нас публикацией вводной главы этого романа. А вчера собкор «Труда» В. Сисинёв передал в редакцию размышления писателя-гражданина о трех августовских днях, которые поистине потрясли его лично, как и весь мир.

КРАСНЫЕ заговорщики в Москве сильно нажимали на два основных биологических чувства: страх и голод. Для первого у них были в запасе танки, для второго — колбаса. Циничные недоумки относились к людям в полном соответствии со своей материалистической теорией как к «павловским собакам». Ссылка тут, разумеется, на бывшего премьер-министра Павлова. Они не сомневались, что запуганные танками москвичи будут удовлетворены вновь появившимися не слыханными до этого запасами еды в магазинах и, таким образом, гармония немедленно будет восстановлена. Если у человека есть выбор между смертью и возможностью хорошо пожевать, конечно, любой выберет последнее — логично, не правда ли?

Похоже, они даже не подозревали, что в человеческом обществе существуют какие-то высшие этажи, что их попытка вернуть страну на прежнюю дорогу строительства коммунизма заставит народ сделать совсем иной выбор — между достоинством и раболением, унижением и свободой. И меньше всего они, конечно, подозревали, что внутри танков тоже сидят человеческие существа и у них тоже есть суждения и право того же выбора.

Люди моего поколения не могут не вспоминать Прагу 68-го года. Почему же подонки снова выбрали третью неделю августа? Неужели для того, чтобы создать лучшую историческую па-

раллель? Если так, они достигли своей цели. 23 года назад мы были полны ненависти и отчаяния и даже не могли мечтать, что чешские либералы будут сопротивляться, а советские танкисты откажутся стрелять. А в этот раз невероятнейшие, дичайшие, самые метафорические мечты нашего поколения исполнились. Чудо духовной революции, которое когда-то представлял себе Лев Толстой, случилось.

Для комментатора Джима Хогланда из «Вашингтон пост» это было «Достоевский вначале, комики братья Маркс в конце». Драматическая борьба, как он написал, превратилась в фарс. Что касается меня, то для меня вначале это было безымянной, безликой, какофония тоталитаризма, а в конце вдруг возник фонтан звуков — Бетховен, Моцарт, Стравинский и т. д.

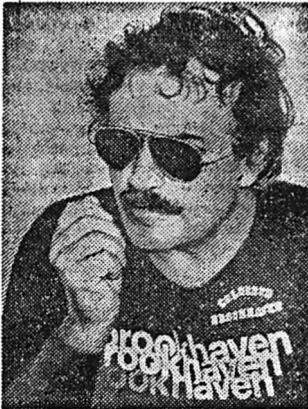
В какой-то мере русские должны быть благодарны ублюдкам, которые помогли им обрести чувство национального самосознания. Эти три августовских дня и три августовские ночи развеяли циничную инсинацию о том, что русские хотят только «порядка». «Порядок» в данном случае является паршивым эвфемизмом еще одного грубого «патриотического» режима. Без всяких оговорок русские показали, что они ищут новых, цивилизованных отношений друг с другом, что они хотят стать частью цивилизованного целого.

Удивительно, насколько «славянофильские», шовинистические писатели не понимали свой

народ. Нет никакого сомнения, что они мостили дорогу для путча. Еще бы, они были на тысячу процентов русскими, они знали лучше, чего хотят русские. Некоторые из них даже приявили участие в последних приготовлениях. За три недели до ареста Горбачева и размещения танков в Москве в печати появился так называемый «Призыв к русскому народу». Он был опубликован в газете правого крыла «Советская Россия». Среди военных больших чинов и других «подпиников» можно найти имена наиболее активных националь-большевистских писателей — Юрия Бондарева, Валентина Распутиня, Александра Проханова. Даже сам лексикон этого призыва выглядит как черновик манифеста хунты. Несомненно, этот манифест был написан не военными, здесь понадобились перья этих «властителей дум» и «инженеров человеческих душ».

Уже однажды выражение «гидра порнографии» говорят само за себя — «гидра порнографии, которая раскинула свои щупальцы по всей святой земле с тех пор, как началась перестройка». Это стало одной из главных причин для ареста Президента и ввода бронетанковых войск в Москву.

Истерические вопли ультрапатриотов можно было слышать уже довольно давно. Однако, почему-то к ним не относились серьезно. Либеральные писатели охотно шутили на эту тему, но никто не был озабочен даже тогда, когда появился признаки очень тесной связи между «славянофилами» и КГБ, партией, военным истеблишментом. Странным это может показаться, но единственный, кто им ответил, — их же единомышленник славянофил Виктор Астафьев. «Не верьте им, — убеждал старый романист-фронтовик зрителей, — они хотят вас снова затащить в коммунистическое рабство, они настоящие черносотенцы».

важным отличием: Ленин забрался на бронированную машину, чтобы объявить о наступлении эры коммунизма, а Ельцин сделал то же самое, чтобы объявить о ее закате.

Чудо вершилось в душах миллионов. «Хватит! Никогда больше!» — кричал каждый. Пожилые женщины и уличные панки, афганские ветераны и заводские рабочие, милиция и подростки-рекорды (эти мотоциклисты были особенно полезны, работая как посыльные для Сопротивления), журналисты и музыканты, интеллигенты и кавенщики, взявшись за руки, обратились лицом к их собственному «Тяньцзиню», который, слава Богу, не произошел. Могу себе представить это масштабное объяснение солидарностью, которое делает человека беспощадным. Чудо-действенное объяснение ошеломило и танкистов, спецвойска, которых готовили развязать бойно. Неповиновение войск прозвучало как финальные аккорды симфонии духовной русской революции. Божья искра нашла путь в сердца и тех, кто находился в толпе на площади, и тех, кто выстроился в военные колонны.

Был еще один Божий знак, данный великой нации. Из трех молодых героев, кто потерял жизнь, идя с голыми руками против танков, двое были русскими, а один — еврей. Как вам это нравится, товарищ Распутин?

Это были самые счастливые дни в жизни нашего поколения. Что бы там судьба ни держала в запасе, теперь мы можем сказать, что всё, начиная с самых первых робких шагов Сопротивления, стоило прожить.

Увы, есть сейчас доля горести в моей душе, потому что я покинул Москву, улетел в Париж воскресным утром 18 августа, за день до того, как все это началось. Мой сын стоял на баррикадах, моя жена была среди тех, кто собой прикрывал «Белый дом» в течение всей той ночи, когда ожидали нападения. Тем временем я сидел с кипой газет на Монпарнасе, и Париж со всем своим великолепием казался мне скучным.

ВАШИНГТОН, 28 августа.